

АНДРЕЙ
ЗАКОМОРНЫЙ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

СМЫСЛЫ

18+

Андрей Закоморный

СМЫСЛЫ

<https://litres.ru/72607042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повести и рассказы о жизни героев, где в повседневной жизни присутствует мистика. А есть она или нет - это решает читатель, каждый сам для себя.

Рассказы как философия жизни.

Андрей Закоморный

Смыслы

РАССКАЗЫ

РАЗГОВОР В ПАЛАТЕ

Стены комнаты выкрашены от середины до потолка в светлые, почти белые цвета. Остальная часть – в тёмный, грязно-зелёный цвет. Дополняет эту цветовую безвкусицу малиновый пол. У южной стены стоит кровать, рядом – пу-
стая тумбочка и стул. На кровати неподвижно лежит чело-
век, руки раскинуты поверх одеяла. Он мирно спит. На во-
сточной стене окно без занавесок, на подоконнике стоит гра-
фин с водой и пустой стакан. Вдруг резко открывается дверь,
что напротив окна, и в комнату вваливается большой седой
мужчина, громогласно вещая в комнату:

– Ну что же вы так, голубчик, вот так всё и лежите, – ка-
залось, что от рыка его содрогнулись стены, и только непо-
движно лежащий не отреагировал. – Тут у нас такие истории
приключаются, пока вы там у себя... ну что-то делаете, – лёг-
ким движением он подвинул под себя стул, сел. Стул жалоб-
но скрипнул всеми ножками, слегка согнулся, но выдержал
напор, а он продолжал. – Так вот, любезный, пока вы там у
себя сонный кайф ловите, мы тут жизнь живём полным на-
пором. Намедни, не далее как два дня тому назад, или три...

Короче, не столь важно. Так вот, я тут повстречал прекрасную медсестричку, и знаете что, мой друг, прекрасно провёл с ней время. Ну, вы в курсе, как я умею обхаживать разного рода мадемуазелей, стихи там вначале, потом ещё пару строк. Она так была заинтересована моими талантами, что не смогла противиться моему напору.

Мужчина приблизился к уху лежащего, и, понизив голос, продолжил:

– Честно скажу, я в этих делах мастер. Ну, понимаете, понимаете, голубчик голубчик, о чем говорю? Тут дело деликатное. Хотя, скажу вам честно, вот как на духу, она осталась в восторге. Я, наверное, уже говорил, какие замечательные у меня есть таланты, никто не может устоять. На работе все этажи обошел, и на каждом имел головокружительный успех. В каждом отделе, скажу без стеснения, был романчик.

Мужчина поднялся со стула, прошёлся до окна, взял графин, налил в стакан и залпом выпил.

– Надеюсь, вы не против, мой друг, всё равно вы пока спите. Так вот, вчера мы всем коллективом играли в карты, и я выиграл у всех, хотя никогда ранее не играл. Представляете, вот вчера впервые и такой успех. Коллектив был женский, и играли, как вы понимаете, на раздевание. И вот, я один сижу в одежде между обнажённых женских тел. Как жаль, что вы не могли мне подсобить, но я справился. Выпили мы достаточно, чтобы провести красиво время. Я сам выкушал пару литров. Мне-то это только для согреву, а остальным при-

шлось несладко. Валялись штабелями, даже стало неудобно пользоваться ситуацией. В общем, я ушёл спать, всё-таки я джентльмен. Но песни мы пели, мне любой мотив давай, и я поддержку словами. Говорил уже, наверное, память у меня отменная, что на слух попадает – всё помню.

Мужчина снова уместился на стул, встряхнул головой, руками разглаживая волосы, и мечтательно вздохнул.

– А ведь когда-то был моложе, и вот тогда сколько всякого мог сделать... А выпить так вообще литрами. Помню институтские дела. Вы, кстати, какой институт заканчивали? А я математик по образованию. Знаете, как математика развивает память? Я вот писал стихи и был лучшим на курсе, да что там на курсе, на потоке, лучшим поэтом, меня печатали в местной газете. Я даже премию выиграл: лучший молодой поэт института. Я красив был тогда, строен, волосы спадали на плечи, да и рост метр девяносто пять – не маленький. Красавец одним словом, все девочки влюблены были в меня, – тут грусть промелькнула в его глазах, омрачив лицо, руки опустились на колени, но через мгновение он встрепенулся. – Да, разъехались все по стране. Кто-то подальше уехал, кто-то не так далеко. Надо бы всех собрать и вспомнить наши студенческие годы, самому взять всё в руки и написать, без меня у них ничего не выйдет, я же лучший организатор встреч. Помню, работал с нашим мэром, не нынешним, с прошлым, я ему все встречи организовывал. Всё было в моих руках, позвоню в район: в субботу приедем! И нам

лучшее место на берегу реки дадут, встречали, провожали. Вот как я могу организовать. Все знавали меня, уважали. Так что не сомневайтесь, любезнейший, в этом году обязательно организую встречу выпускников. Сколько это мы уже не встречались? Точно, 34 года! Ох и давно же это было.

Дверь в комнату распахнулась, и вошла брюнетка, лет со-рока пяти, остановилась в дверях, упёрла руки в бока. Это была медсестра, дежурившая по этажу.

– Ну-ка, пациент, быстро в свою палату, – металлом в голо-се прожестила она, – время уже отбой, ночь на дворе, а вы тут орёте. Быстро в своё крыло спать. Шагом марш.

– Ох, Людочка, мне бы годков на 15 меньше, – здоровяк потряхнул седеющей головой.

– Идите уже. Фантазии не выливайте на меня. Клизму сделаю, если спать не будете.

– Иду, иду. Спокойной ночи, любезнейший.

Дверь тихо закрылась. Наступила тишина. Медсестра подошла к кровати. Долго смотрела сверху вниз на лицо мужчины. Рукой провела по волосам, поправляя. Подошла к окну, раскрыла створки, влетел свежий вечерний воздух. Глаза мужчины открылись, руки согнулись, вынимая из ушей беруши. Потрусил головой, разгоняя мысли. Сел на кровать. Взгляд поднялся к медсестре, стоящей у окна.

– Ты утомился, – голос Люды был нежен, – а он снова приходил к тебе и говорил, говорил. Еле прогнала.

– Ты знаешь, беруши, – рукой похлопывая по карману,

куда секунду назад их положил, ответил он, – вполне справляются.

Почти не слышу.

– Снова о том же?

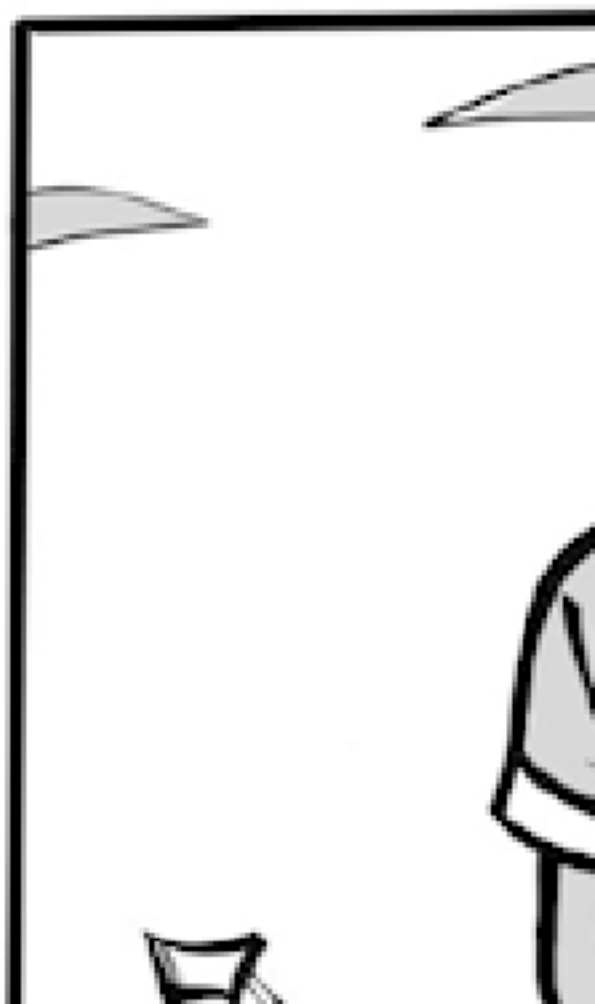
– С небольшими вариациями. Ты как? Я соскучился! – мужчина поднялся и подошёл к Люде.

– Свет выключи! – легонько оттолкнула она его от себя.

Он прошёлся до выключателя, щёлкнул. Свет погас, стало темно. Глаза привыкли быстро, и он одним шагом очутился рядом с ней, руками расстёгивая халат.

– Давай сегодня не торопиться. У нас полно времени. Доктор ушёл в реанимацию, – негромко сказала она.

– Прекрасно! – шёпотом ответил он.

ОТДЫХ

– Послушай, Марк, когда ты в последний раз видел её?

– Её? Имеешь в виду Кристину?

– Да, её.

– Вчера ночью, она сидела у моря и смотрела в темноту.

Я ей сказал, чтобы она перестала пялиться в бездну, вдруг кто-то посмотрит оттуда.

– Так вот, её нет со вчерашнего дня!

– Ну, это твоя подруга, тебе лучше знать, с кем она ночь провела.

– А в морду получить не хочешь за такие слова?

– Ха, смешно. Все знают, она тебе изменяет. Только ты, слепошарый, не видишь.

– Не говори так, никогда Кристина мне не изменяла. Она исчезла.

– Ага, исчезла. Подожди пару часов, проснётся и придёт к своему пупсику.

Сонный Марк повернулся и нырнул в палатку. Олег остался на берегу, смотрел на палатки и гадал: в какой уснула его Кристина? Он был уверен в ней, она никогда не предаст его; они не понимают, что она может потеряться в простом месте и забраться в ближайшую палатку спать, чтобы не будить весь лагерь, ведь она такая внимательная ко всем, они не понимают её чувствительное сердце. Это он виноват, что оставил её одну, не стоило идти спать. Вот теперь она заблудилась.

Солнце вставало быстро. Вскоре лагерь зашевелился, как муравейник под одеялом. Заспанные лица стали появляться из своих ночных укрытий. Кто-то по одному, кто-то парами. Олег метался по лагерю, ища свою девушку – кого-то это сместило, кого-то раздражало.

И с каждой минутой тревога Олега нарастала. Никто её не видел, друзья (какие из этих чёрствых чурбанов друзья?) шипели или откровенно издевались. «Она пропала, она пропала», – стучало в его голове.

– Да пойдёшь в соседний лагерь. Она там ещё в палатках не была, – тихо пробурчала девушка из крайней палатки, и Олег побежал к соседям.

– Ты чего там бухтишь, Ира? – из палатки, откуда прозвучал совет, вылез Марк, друг Олега и её муж – красивый, накачанный парень. – Хватит на тёлку наговаривать.

– Если узнаю, что и ты с ней спал – отрежу всё, что выступает, – глаза Ирины сверкнули, костяшки на руках побелели. Её худощавое тело сжалось в пружину.

– Ты чего, зачем мне это? У меня есть ты. Я тебя люблю, – Марк игриво поднял руки.

– Там столько заразы, не хватало, чтобы мне передал.

– Нет, говорю тебе.

– Ладно. Иди умывайся, завтрак буду готовить.

Олег в соседнем лагере приставал ко всем и вскоре вернулся назад потухший. В глазах стояли слёзы.

– Не нашёл? – Марк стоял рядом. – Это плохо. Может, она

в горы поднялась?

– Не знаю. Пойду искать.

Солнце уже было в зените и палило беспощадно, море наполнилось телами купающихся. Палаточный городок опустел, и только один человек растерянно ходил по лагерю. Он искал свою Кристину. Её нигде не было. Олег заглядывал под каждый куст и дерево, искал в чужих палатках под одеялами. Может, она с ним играет в «Найди меня»?

Вечер украсился большим костром в середине лагеря, игрой на гитаре. Отдыхающие сидели у огня, не обращая внимания на одинокого Олега, рыскающего как гончая, потерявшая след.

Усталость взяла своё: опухший от слёз, без сил он сел на берег и стал смотреть в море, которое неумолимо погружалось в темноту. Звуки стихли, костёр погас, шевеление в палатках сменилось сопением спящих, а он продолжал смотреть в море в надежде увидеть её.

К горемыке подошёл Марк:

– Вот и ты теперь смотришь в темноту, как Кристина тогда. Говорил ей, не смотри в бездну...

– Она пропадёт без меня, вы не понимаете! Мы – это одно целое.

– Так ты её не нашёл?

– Найду.

– Иди спать.

– Уже пошёл, вчера, а она заблудилась... Дождусь. Как я

мог её оставить одну? – слёзы хлынули с новой силой.

Марк махнул рукой и, загребая ногами ещё тёплый песок, пошёл в палатку к своей Ирке. Пусть она не такая пышная и фигуристая, как Кристина, и стерва ещё та, зато своя, родная.

Олег слушал монотонное биение волны о берег, всматривался в темноту бездны. Его сердце разрывалось от горя. Никто не верит ему, все отвернулись. Они не понимали её, она же, как ребёнок, могла заблудиться в простом месте. Он знал её лучше всех и всегда был рядом; иногда, когда работа не позволяла встретить девушку, она терялась в суете городских джунглей, но он, только он, всегда находил её. В разных местах. Люди согревали её и заботились. Добрых людей намного больше.

А эти просто насмехались над ним, над ней, над НИМИ! А она чиста и беззащитна. И вот она пропала. Заблудилась в чужом месте. Где был он, когда так ей нужен? Пошёл вчера спать. Осёл! Идиот! Свинья! Когда был так ей нужен! Ей сейчас очень страшно, и она зовёт его на помощь.

– Ты нужен мне! – Олег подскочил – это её голос, тихий, слабый, узнать его он смог бы среди миллиарда других голосов.

– Ты нужен мне, – повторило море.

– Где ты, моя любовь? – Олег почти порвал связки, диким голосом крича в пустоту моря.

– Я здесь, я люблю тебя, я жду тебя. Мне нужна твоя по-

мощь.

– Где, где ты? Я не вижу тебя, – Олег заметался по берегу, заходя по колено в воду.

Волна продолжала ритмично биться о берег, гул нарастал, забивая её голос. Олег тряс головой, пытаясь услышать. Этот звук сводил его с ума, он заходил дальше в море, выкрикивая её имя. Она звала его, ей нужна его помощь, ещё немного, и он увидит, увидит Кристину. Обнимет, будет целовать её нежное тело, руки, пальцы, губы, глаза. Неистово, показывая, как он сильно её любит. Он расскажет, как соскучился, как долго её искал.

– Я здесь, любимый, иди ко мне.

– Где ты, не вижу тебя, – он крутился по грудь в воде, вглядываясь в темноту моря. – Вижу, вижу тебя, моя девочка! Как же ты меня напугала! Ты так меня напугала.

Раздвигая воду руками, он шёл к ней.

– Прости меня, что оставил тебя одну на пляже, я просто уснул от усталости. Прости меня. Дай я тебя обниму. Моя Кристина, моя любовь, я так виноват перед тобой, никогда-никогда больше не оставлю тебя одну.

– Иди ко мне, мой любимый, обними меня крепче и никогда больше не отпускай меня.

– Никогда, никогда не отпущу, – кричал сквозь слёзы Олег, заходя глубже в воду, – вот и я, здесь, рядом с тобой.

Его сердце успокоилось. Тишина накрыла. Он был со своей Кристиной. Он улыбался. Он шёл за ней, держа любимую

руку. Он знал – теперь они будут вместе. Вечно.

Утро в лагере начиналось как всегда. Вышедшие из палаток люди просыпались, завтракали. Сегодня в обед надо было собраться домой. Отдых закончился. К моменту выезда всё было погружено по машинам.

Марк посмотрел на одиноко стоящую палатку.

– Кто видел Олега и Кристину? Куда они делись?

– Ой, да найдутся, не маленькие, – поворчала Ирина, – небось нашёл свою любовь и обслюнявливает ей пальчики ног. Машина рядом – разберутся. А может ещё в поиске своей шалавы, лагерей вдоль моря много.

Ирина насупилась, глядя с подозрением на Марка.

Марк пожал плечами.

– Сами найдутся, не маленькие, – повторил он за Ирой и пошёл заводить машину.

Пляж опустел. Одинокая палатка простояла до первого шторма, который смыл все следы и воспоминания о ней. Машина на стоянке запылилась и, в конце концов, была разобрана местными на запчасти, а остов сдан на металлолом. Сезон завершился.

Эпилог

Кристина открыла ключами квартиру, плюхнулась на диван. Она наконец-то освободилась от этого несносного ревнивца, контролировавшего каждый её шаг, каждый вздох. Дышать невозможно было от его любви! Начиналось так славно: внимание, ухаживание, всегда рядом. Бр-р-р, её

передёрнуло от воспоминаний. Через мгновение девушка улыбнулась, вспоминала своего спасителя. Спасибо ему, помог уехать тайно в темноте, пока этот олух уснул. С ним было весело и хорошо. Предусмотрительно не оставила спасителю свой адрес и телефон, а то начнёт звонить. Лучше с этими влюблёнными на расстоянии. Это значительно приятнее и веселее. Надо только не забыть поставить в блок Олега и всех его друзей. А лучше вообще сменить номер телефона и квартиру, благо, что эта съёмная. Ну, может быть Марка оставить, с ним было хорошо. Нет, решила всех – значит всех, у Марка жена ещё та стерва, ну их. Одни проблемы с ним.

Надо выпить кофе. Лёгкой свободной походкой она пошла в кухню.

СПОРТИВНЫЙ РЕЖИМ

1.

Сегодня после утренней тренировки соседка Оли уезжала до утра в город, оставляя комнату в полном её распоряжении. И так каждый четверг, тренер отпускал. В причины она не вникала, да и не хотела. У всех свои заморочки.

Этот день был расписан по минутам. После тренировки к ней в комнату приходил Коля, волейболист. Мягкий и нежный парень, ростом с каланчу. Она всегда улыбалась ему. Знала, что не пропустит ни сантиметра на её теле. Эта прелюдия возбуждала перед главным блюдом. Выпроваживая его, Оля торопила: «Тебе пора идти! У меня режим!» Он, быстро собирая вещи, грустно кивал, вопрошая: «Прощай. Увидимся в четверг?» Отвечая: «Да. Да. Увидимся. Иди», небрежно отмахивалась. Коля исчезал, тихо прикрывая дверь.

Сегодня, как назло, он застрял в дверях. Показывая, что в коридоре уборщица моет полы. Он стоял полуобнажённый с вещами в руках, на полусогнутых ногах, высовывая голову в коридор. Хотя вид и был потешным, она не смеялась, время уходило быстро, и настроение тоже остывало. Сейчас должен прийти Иван. Парень коренастый, боксёр. С твёрдыми руками, упругим прессом, мощным напором. То, что надо было ей после прелюдии с волейболистом. Он всегда приходил молчаливым, снимал с себя одежду и твёрдой рукой брал её.

Планы разрушались на глазах. Скрюченный в дверях Коля, где-то идущий к ней Ваня. Встреча могла закончиться для всех печально. Драка, если так можно назвать избиение, грозила исключением из сборной всех троих. Это не входило в планы. Удовольствие удовольствием, но спорт она не собиралась бросать. Лёгкая атлетика ей нравилась.

Когда дверь наконец закрылась, Оля кинула взгляд на часы. Как хорошо, что она оставляла зазоры между ними, на всякий случай. Вот этот случай и наступил. Сердце радовалось. В душ не успевала; «Да и пусть». Дверь открылась, Ваня уверенной, хозяйской походкой вошёл в комнату. Как всегда молчалив, собран, взгляд из-под бровей. Раздеваясь, подошёл. Оля закрыла глаза, прелюдия не была напрасной. Эти двое полностью дополняли друг друга. Жаль, что это были два разных мужчины.

Она развлекалась с разными парнями. Благо на спортивной базе их было много. Есть из кого выбрать. Олег грубый – надо следить, чтобы синяков не оставлял. Сергей милый. Вахтанг совсем отбитый, после него болит, где не должно болеть. Не придавала серьёзное значение этим встречам, просто оргазм, просто удовольствие. Зачем себе отказывать? «Я ещё молода, надо всё попробовать. Это для здоровья», – говорила себе. Каждый приносил своё, и со всеми ей хорошо. Но эти двое, по четвергам, были её фаворитами, именно в той последовательности, которую она, случайно или нет, определила. Опыт. Когда осталась одна лежать на кровати,

усмехнулась. Наслаждение. Сон.

Выйдя из комнаты, Иван повернул направо по коридору и неспешно двинулся в своё крыло. Он шёл, не оглядываясь, открыто, никого не боясь. Да и кого мог бояться парень с кулаками размером с кувалду каждый. Уборщица Света, женщина лет 60 из деревенских, провожала его взглядом, укоризненно качая головой. «Такой красивый, а ходит к этой прошмандовке, неужто найти получше не мог? – размышляла она. – К ней вон скока парней бегают, без разбору. Тьфу ты – порчена девка. Хоть и смазливая сучка». И снова принималась за работу. Она обязана докладывать о всех нарушениях режима. Иван знал и всё равно шёл не спеша. Уверенно. Не скрываясь. Что ему будет? Чемпион своего региона, по силе равных ему нет в сборной. «Будущий чемпион!» – говорили тренеры.

Дойдя до своей комнаты, плюхнулся в кровать, не раздеваясь. Во сне он снова был семикласником. Учёба давалась ему с трудом, и когда пришёл тренер из олимпийского резерва и позвал заниматься боксом с лучшими в регионе, он её радостно забросил. Зато тренировался два раза в день до темноты в глазах, и это дало результат. Победы пошли одна за другой, соперники падали под натиском его ударов. И вот он вскидывает руки в победном рыке, слышит голос тренера, тот ему что-то кричит, он прислушивается. Слышит своё имя. И просыпается – это сосед будит на вечернюю тренировку.

Сосед Виталик, хороший боксёр, с хорошим ударом, всегда его будил и следил за временем. Такая вот у них была дружба. Никогда не осуждал, но с неприязнью откликался на его похождения к Оле по четвергам. «Мне надо разгрузиться, морально», – отвечал Ваня, и на этом разговор заканчивался. Виталик, в свою очередь, был влюблён в бокс, и ничего более его не интересовало. Тренировки, тренировки и режим. Правильно питался, много читал в свободное время и в отличие от Ивана учился. «Спорт спортом, а жизнь никто не отменял», – говорил всем и продолжал корпеть над школьной программой. Твёрдый хорошист. Дружил с парнями из волейбольной команды. Иногда даже играл с ними. Получалось так себе, зато подача была отменной. Сильной и точной. Ему нравилось. Сегодня, в четверг, будут разминаться на стадионе, все три сборные: волейболисты, легкоатлетки и они, боксёры. Виталик сможет увидеться со своими друзьями из волейбольной сборной, пока будут наматывать разминочные круги. Поговорят и все вместе будут свистеть в сторону девчонок, отпуская сальные шуточки. Те, в свою очередь, будут, хихикая в ответ, посылать мальчиков куда подальше. Ритуал. Все всё знали, всех устраивало, и никто не хотел ничего менять. Девочки смеялись, обсуждали свои приключения, хвастались, делились впечатлениями. Мальчики не отставали, и каждый выдавал подробности и детали, естественно, прибавляя количество, качество и время. Все хвастались – это надо было, кто им ещё мог рассказать?

Родители далеко, поговорить не с кем. Так, методом проб и ошибок, они познавали жизнь в тесных кругах одной базы.

Свисток тренера приводил в чувство. Каждая сборная занимала свой участок стадиона и под громкие команды тренеров выполняла упражнения. Девочки тянулись, привлекая взгляды парней, боксёры делали разминку не спеша, волейболисты брали свои жгуты и тянули плечи и руки. Коля выбирал место, чтобы держать в поле зрения команду девочек, не отводил взгляд от Оли, которая выделялась яркими лосинами, анатомично-обтягивающими её шикарные формы. Ей нравилось внимание, что её разглядывают, наблюдают. Старалась повернуться красиво. «Смотри, как он на тебя смотрит, сейчас порвёт свои резинки!» – тихо хохотали подружки, подтрунивали над Олей. «Пусть пялится, до четверга ему ничего не светит», – отвечала она, продолжая поднимать в растяжке ноги.

Чуть поодаль, стараясь не привлекать к себе внимание, занималась Виктория – молодая, скромная девушка в мешковатом костюме – в тайне завидуя своим более раскрепощённым подругам по команде. У неё не было парня, она не хотела интрижек и ещё ни разу не целовалась по-настоящему. Её соседка Ира просила выходить из комнаты на время. Она понимала зачем и никогда не сопротивлялась. Просто выходила во двор с книгой в руке, читала. Иногда они думали, что она спит, и всё происходило в её присутствии. Но она ничем не выдавала себя, тихо лежала, повернувшись к

стене. Временами ей казалось, что Ира это делает нарочно. Виктория усердно тренировалась – она считала, что вполне хватает времени забега, чтобы ходить раздетой. Всегда быстро одевалась, укутываясь в свой удобный костюм. Она стеснялась своего тела. Девочки из команды её подначивали по этому поводу, но без злобы. Веселиться им не мешала, парней не отбивала. Делить с ней было нечего. Виктория вела себя скромно: врождённая стеснительность. У неё, конечно, был фаворит – Коля из волейбольной команды. Она порывалась иногда подойти к нему, рассказать, как он дорог ей, что она лучше Оли, к которой ходит каждый четверг. Раскрыть ему глаза. Все знают, что у неё много парней. Он никому не верил, настаивая, что они пара. Сегодня был этот день, он снова приходил к ней после обеда, перед сном. Это значит – всё случилось. Это значит – ей больно. Но как говорила её бабушка, светлая ей память: «Если сучка не захочет, то кобель и не вскочит». Делать как другие не позволяло строгое воспитание. Свою честь она берегла. В надежде, что Коля оценит когда-нибудь.

Свисток тренера, извещающая об окончании разминки, резко оборвал мысли. На стадионе оставались только девочки. Проходя мимо, Иван посмотрел на Викторию, и сегодня, впервые, их взгляды встретились. Он давно наблюдал за ней. Как эта, в мешковидной форме, тренируется. Заприметил её. Длинные ноги, упругие ягодицы, грудь второго размера. Всё как он любит. Почему не решался подойти и заговорить, сам

не понимал. Каждый день наблюдал и восхищался её целеустремлённостью. Это возбуждало. Столько нагружать себя не могли даже парни в его команде. А ведь бокс требовал выносливость и силу.

Виктория перехватила его взгляд, и лицо покраснело. Это был плотоядный взгляд хищника, увидевшего добычу. Стало неуютно. Про себя решила держаться подальше. Сжалась в свой костюм, уменьшаясь в размере.

Иван смотрел и ненавидел себя за трусость. Ненавидел, что не может подойти, не может узнать её имя. Ненавидел себя за нерешительность. Ему было всё равно, что к Оле ходили другие. Знал точно, что завтра или послезавтра, когда ему будет надо, она не откажет. И каждый раз, приходя, думал о ней, девочке в мешковатом костюме, и снова и снова наказывал себя, находясь с другой. **2.**

Уборщица Света драила полы в коридоре, сегодня был четверг, и она с нетерпением ждала, когда Коля выйдет из комнаты. Всю неделю она планировала, как задержать его в коридоре и показать, кто такая Оля. Открыть правду. Пусть узнает, какая шалава эта девица, и найдёт себе другую.

Она стояла на лестничной клетке, куда должен пройти Коля, и вспоминала свою молодость. Свадьба в 20 лет. Счастье должно было быть безоблачным. Жили с мужем, как говорится, душа в душу, пока не встретила его, на дискотеке в клубе. Молодой красавец из соседнего села. Что с ней творилось – не понимала, это было выше её сил. Роман длил-

ся недолго, лучшая подружка рассказала мужу, и счастливая жизнь закончилась. Молодой-красивый покрутил у виска рукой на её предложение переехать к нему, ошарашил: «У меня дома жена и дети». Муж, узнав об измене, поколотил, сломав руку и нос. Пришлось уезжать в город от позора и стыда. Иначе бабы заклевали бы и житья бы не дали. Так и застряла уборщицей, в маленькой комнатухе на спортивной базе.

Коля появился в дверях, посмотрел по сторонам и, стараясь не шуметь, направился по коридору на лестницу, где его поджидала Света. Он подпрыгнул от испуга, когда она схватила его за руку и потянула к себе, приложив палец ко рту. Вцепилась она в него сильно, вырваться не удалось, и Николай смирился. Первое действие выполнено, теперь надо объяснить, что ему надо подождать. Это было сложно, говорить громко нельзя. Её жесты руками он не понимал. Мысль пришла быстро, подзатыльник успокоил. «Смотри молча туда». Света указала пальцем в сторону двери Оли. И он притих.

Время тянулось очень медленно. Терпение было вознаграждено. В проёме с другой стороны коридора появился Иван, который неспешной походкой подошел и по-хозяйски открыл дверь. В глазах помутнело. «Не верю! Она не такая!» – кричали мысли в голове у парня, стучали в виски, и глаза накрыло туманом. Всё, что он мог вспомнить потом – это коридор, дверь резко распахнул, а там она, обнажённая на кровати, и широкая спина Ивана. Потом звёзды из глаз. Очнулся в больнице на кровати с переломом челюсти и лицевой

кости. Боль в сердце была невыносима.

Оля лежала с закрытыми глазами в предвкушении, вдруг дверь резко распахнулась, и в комнату вбежал Коля. Начал кричать «Она моя!» и с кулаками кинулся на боксёра. Она не видела удара – Иван просто повернулся, и Коля лежит на полу в луже крови. Потом посмотрел на неё, усмехнулся злобно прямо в глаза, перешагнув лежащего, вышел в коридор, тихо закрыв дверь. Желудок сжался в комок. Что тут началось... Уборщица с криками «Убили!» бегала по коридору. Все повыскакивали из комнат, мальчики, спешно собирая вещи, покидали комнаты девочек и растворялись. Прибежали тренера, вызвали скорую. Тренировку вечером в этот день отменили.

Света не ожидала такой реакции от Коли. Не успела его схватить, как тот в два прыжка с криками бросился в комнату к Оле. Крик оборвался так же быстро, как и начался, и спокойный боксёр, который вышел, добавил беспокойства. Надо было что-то делать. Звать на помощь. Других разумных мыслей не появилось.

Пятница началась разбором ЧП. Одного из лидеров команды по волейболу отправили в больницу. Надо было принимать меры. И после недолгих прений было решено. Олю выгнать, Свету наказать выговором, Колю лечить, Ивана пожурить за его несдержанность. Всё успокоилось.

Только Олю не устраивал такой расклад. Думала всю ночь. Утром решила пойти в больницу просить прощения у Ко-

ли. Возле палаты встретила Викторию и удивилась. Та была вся в слезах и злобно смотрела на неё. «Это конкурентка», – быстро прикинула Оля. Вывод напрашивался простой: сделать всё, чтобы вернуть Колю себе. А эта пусть ищет себе другого. Зачем ей это было надо – не знала, но чуйка никогда не подводила. Взялась за ручку двери, вошла. Коля лежал прямо, смотря в потолок. Говорить не мог – и это ей на руку. Слезы вызвать не составило труда, плюхнулась ему в ноги, прося прощения. И, когда его рука легла ей на голову, поняла, что всё идёт как надо. Улыбнулась, глядя в проём двери, где за этой сценой наблюдала Виктория. Дверь закрылась.

3.

Раны зажили, история забылась деталями.

Коля поправился и стал олимпийским чемпионом. Закончил карьеру. Теперь у него большой кабинет, он возглавляет какой-то важный комитет. Чиновник высокого ранга. Его супругой стала Оля, они помирились и живут в большом доме. Муж балует, любит. Она родила ему наследника и ни в чём себе не отказывает. Помня ошибки прошлого, выбирает партнёров очень аккуратно и скрупулёзно. Потерять статус не хочет.

Иван стал чемпионом и с золотой медалью наперевес пошёл к Виктории с предложением любви. Точнее секса. И, как он умел, не выбирая слова, предложил жить вместе. Та отказала. Злость накатила, и если бы не Виталик, сосед и единственный друг, она бы лежала в реанимации. Он его с трудом

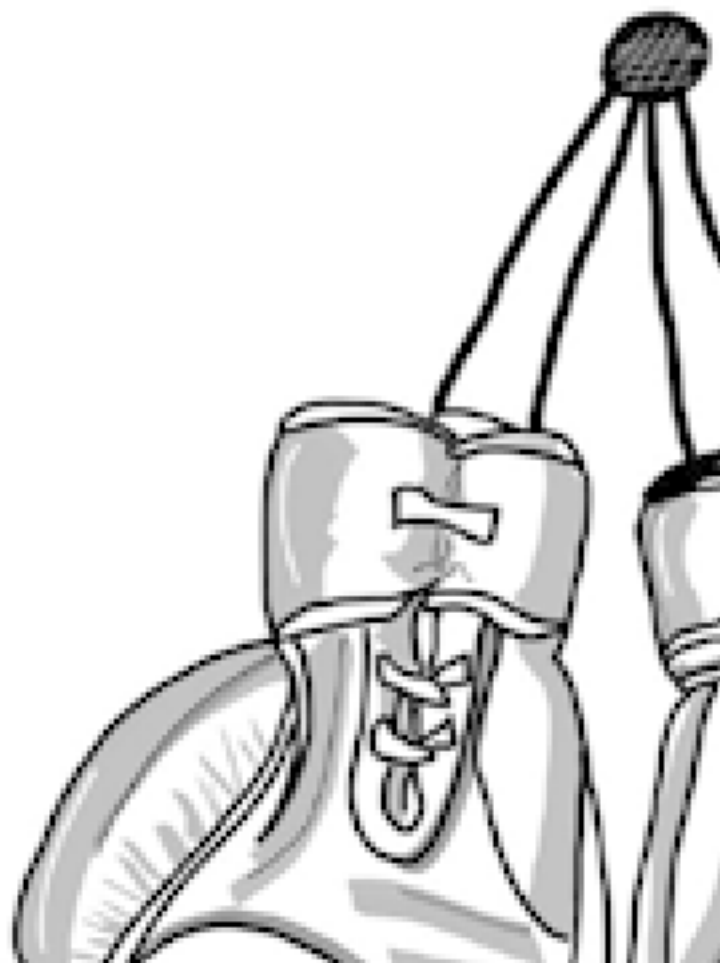
оттянул от неё. Иван после этого запил крепко, и в одной из кабацких драк его избили до полусмерти. Спасти жизнь удалось, но ходить он уже не мог. Пока он выходил из больницы, о нём все забыли. Были новые чемпионы. Пить он стал ещё больше и в конце концов спился. В последний раз его видела Оля. Она шла из своего роскошного авто в магазин, на входе увидела знакомые черты из старой жизни. Брезгливо поморщилась, прошла мимо. Сказала охране, и больше бомжей возле дверей магазина не было.

Виктория сошлась с Виталиком. Ничего не получилось. Старая любовь не давала спокойно жить. Стала детским тренером. Счастлива. Иногда вспоминает те дни на базе, с сожалением вздыхая, что не решилась зайти в палату к нему. Вздыхает грустно. А утром снова идёт к своим детям. Они её любят за мягкость и нежность. Иногда называют её мамой. Она улыбается.

Виталий выучился, доктор наук. Преподаёт в университете. Пользуется авторитетом. Да и как его не слушать, когда все знают, что он был три раза чемпионом мира в среднем весе. Кулаки с маленькие арбузы. Хотя глаза добрые. Женился во второй раз на своей аспирантке, удачно. Трое детей, никто в бокс не пошёл.

Как бы сложилась их жизнь, не полезь со своей правдой уборщица Света, неизвестно. О самой Свете известно, что доработала до пенсии. Жильё служебное отобрали, дали взамен комнату в коммуналке. Там и дожила она свои дни, тихо

и незаметно уйдя из жизни. Перевернув судьбы других.

ЛАБОРАТОРИЯ

Двое военных, крепкие мужчины в камуфляже, один из них лысый с застарелым ожогом на шее и щеках, второй тоже лысый, но с бородой, шли за гражданским по краю высохшего русла реки в тропическом лесу. Они несли тяжёлые рюкзаки. В руках автоматы. На поясе в ножнах методично, в такт ходьбе, качались мачете. Гражданский налегке, с планшетом в одной руке, возглавлял колонну. Двигались они медленно, выверяя каждый шаг. Раньше это была бы кромка воды, но год был засушливым, чего не случалось в этих краях почти никогда.

Гражданский, заглянув в планшет, остановился. Присел на корточки, потыкал пальцем в экран, посмотрел по сторонам, повернулся к спутникам, кивком головы указал на заросшую тропинку, уходящую в лес. Подождал, пока они пройдут мимо него, достанут из ножен мачете, и двинулся за ними. Зазвучал монотонный свист металла. Деревья и кустарники рубились легко. Через две сотни шагов лес поредел, обнажив небольшую поляну. Автоматы заменили в руках мачете.

Военные, не торопясь, вышли из леса. Разошлись в разные стороны. Опустились на одно колено, держа на изготовке оружие. Бородатый взглядом показал гражданскому: «Можно». Тот, выйдя на поляну, оглядевшись по сторонам, подошёл и сел рядом. Заглянул в планшет, поднял глаза в небо, и снова уткнулся в экран.

– Здесь, – палец указывал место.

Бородатый перекинулся взглядом с Лысым. Тот потёр лицо, ожог сильно беспокоил его. Перекинул автомат за спину, подошёл в указанную точку. Рукой пошарил в траве, утвердительно кивнул:

– Это люк.

– Открывай, только медленно, – прошептал Гражданский.

Обернулся к Бородатому. Тот ответил утвердительным кивком. Найдя выступ, медленно начал поднимать. Второй рукой провёл под крышкой. Убедившись в отсутствии растяжки, медленно открыл.

– Готово. Всё чисто, – Лысый отступил в сторону, взял в руки оружие.

Гражданский медленно двинулся вперёд. Подойдя к краю, аккуратно наклонился и заглянул внутрь. Там он увидел железную лестницу и небольшую площадку с одной дверью. Рукой показал Лысому, чтобы тот отступил дальше к лесу, лёг на землю. Снова заглянул внутрь. Потом выдвинулся по грудь над люком, опуская голову вниз.

– Тут что-то нечисто. Слишком просто, – рукой он пошарил в пустоте. – Ага. Вот и первая ловушка.

Достал из кармана нож. Что-то громко щёлкнуло.

– Всё. Путь свободен.

Гражданский встал и отошёл в сторону:

– Ваша очередь, господа.

– Я первый, ты прикрываешь, – Лысый шагнул на лестни-

цу.

Тишина гулко раскрылась звуками тяжёлых шагов. Следом полез Гражданский. Бородатый, медленно ступая, свободной рукой закрыл за собой люк. Трое стояли на маленькой площадке перед хлипкой на вид дверью. Лысый, не раздумывая, со всего размаха резко ударил ногой в неё. Она распахнулась, рубанув ярким светом по глазам. Двое, непроизвольно зажмурившись, отшатнулись. Гражданский закрылся планшетом. Свободной рукой выхватил из поясной кобуры пистолет, направил его в проём двери. Когда глаза привыкли, перед ними оказалось небольшое помещение.

– Ты что делаешь? – Гражданский яростно направил оружие в голову Лысому.

– Дверь открыл, – Лысый отшатнулся.

– Ещё одна такая выходка – и я сам тебя пристрелю! – Гражданский кипел от ярости.

– Давайте войдём, – пытаясь скрасить неловкость, Бородатый первым шагнул в комнату.

– Шагай вперёд, – обращаясь к Лысому, Гражданский зашёл следом, пряча пистолет в кобуру.

Дверь за ними тихо закрылась.

В комнате было просторно. Стены, пол, потолок – всё покрашено в жёлтый цвет.

– И что теперь? – Бородатый прошептал, обращаясь в пустоту.

– Идём дальше, – Гражданский прошёлся по комнате. –

Будем искать дверь. Странно, где все? Мы сюда пришли, ожидая сопротивление, а здесь никого. Сейчас сверим план.

Его глаза удивлённо уставились в экран:

– Тут... ээээ... планшет сдох.

– Как это сдох? – Лысый заглянул через плечо. – Батарея села?

– Она не могла сесть. Батарея новой системы, полгода держит без подзарядки. Даже в воде не разряжается. Что тут не так?

– Значит, запасной батареи нет? – переспросил Лысый.

– Ты чего лезешь? – Гражданский зашипел со злостью. Тыкая в грудь ненужным девайсом, он яростно шипел. – Твоё дело – молча стрелять во всех, защищая меня. И, если надо, сдохнуть. А не задавать тупые вопросы.

– Да, сэр, – Лысый потупился, взглянул на Бородатого. Тот пожал плечами.

– Всё. Всем молчать. Я буду думать, – с этими словами он кинул планшет на пол, уселся, скрестив ноги. Из кармана достал блокнот и карандаш, начал чертить схему. Через минуту поднялся. Прошёлся по комнате, простукивая стены, подозвал к себе Бородатого, пальцем указал точку на стене. – Здесь режь. Тут дверь.

Нож аккуратно вошёл в стену. Военный повернул клинок, расширяя щель.

– Вот она, потайная дверца, – Гражданский улыбнулся, – спрятать хотели. Не выйдет. У меня хорошая память.

Лысый направил автомат в появившийся проход, ожог покраснел и начал усиленно пульсировать и чесаться. Поёжившись, он сделал два шага в сторону, закрывая собой Гражданского. Дверь, впуская воздух, с шумом распахнулась. За ней был тёмный коридор.

Трое мужчин, доставая армейские фонарики, осторожно шагнули в темноту. Дверь за ними закрылась. Свет выхватил длинный коридор. Впереди угадывался поворот.

– Вперёд! – Гражданский махнул рукой. Лысый шёл впереди, Бородатый замыкал.

Гулкие шаги тяжёлой обуви эхом раскатывались по коридору. За поворотом показался свет.

– Фонари выключить, оружие наизготовку. Вперёд, – Бородатый тихо дал команду.

– Приготовиться... Входим, – Лысый первым шагнул в комнату. Она была больше прежней, выкрашена в синий цвет.

– Ты кто? – Гражданский обратился к сидящему на стуле посередине комнаты мужчине лет тридцати, который спокойно читал книгу.

– Я?! – Мужчина оторвался от чтения, перевёл взгляд на вошедших. – Это не важно. Любопытно, что вы долго шли.

– Что значит, долго шли?

– Ну, как сказать? Все по-разному приходят. Вы дольше, чем другие.

– Мужик, ты кто? – Лысый сделал шаг вперёд, направляя

ствол в голову сидящему.

– Я? Меня можешь называть, как тебе угодно.

– Ты кто такой? Где остальные люди?

– А здесь никого больше нет. Только вы и я, – он развёл руки, показывая вокруг. – Кого ты здесь ещё видишь?

– Вот и мне интересно, где остальные, где лаборатория?

– Здесь нет никакой лаборатории, – мужчина прямо смотрел в глаза.

Гражданский прошёлся по комнате, обошёл вокруг, зашёл за спину сидящего и остановился. Военные, не опуская оружие, прижались спиной к стене. Так проще контролировать периметр, их так учили. Напряжение нарастало.

Мужчина не выказывал страх, был спокоен, с интересом наблюдал за ними. Молчание затянулось. Гражданский быстро приблизился к сидящему, достал нож и ткнул лезвием ему в шею. Тот даже не шелохнулся, лишь приподнял бровь:

– И, что дальше?

– Говори, где все остальные?

– Вот так всё просто по-твоему будет?

– Проще некуда. Давай, быстро отвечай на вопрос.

– Мне торопиться некуда. Я не знаю, о ком ещё идёт речь.

Нас тут всего четверо.

– Если ты ничего не скажешь, я отрежу твою поганую голову. – Ну давай, – он приподнял подбородок. – Вдруг что и выйдет.

Гражданский резко, со знанием дела, провёл лезвием по шее. Рука чувствовала, как сталь режет плоть. Но крови не было. Мужчина сидел, как и прежде, с ухмылкой на лице.

– Что это?!

– Получилось?

– Ты кто такой? – Лысый шагнул вперёд.

Бородатый смотрел во все глаза на происходящее.

– Так не может быть, – только и вымолвил он.

Лысый резко поднял автомат и, не целясь, разрядил обойму, кладя кучно пули в грудь сидящему. Ничего не произошло. Пули, ударяясь о тело, звонко падали на пол. Наступила тишина.

– Ты кто? – Гражданский подошёл вплотную и ткнул его пальцем, проверяя, что это не мираж.

– Думаю, это Пётр, – Лысый сел на пол и перекрестился.

– Пётр? Как интересно! Ты так думаешь? – Мужчина повернул в его сторону голову.

– Какой ещё Пётр? – Гражданский растеряно взглянул на попутчиков.

– Тот, который сидит у ворот, – Лысый указал пальцем на сидящего.

– Каких ещё ворот?

– Кто тебя командиром назначил, если ты такой тупой? – Бородатый положил оружие на пол.

Потом он сел рядом с товарищем, закрыв руками лицо, и тихо произнёс:

– Мы умерли.

– Чего вы несёте? А ну-ка встать! Выполнять приказ! Я вас под трибунал отдам, и ваши заслуги не помогут. Что это вы пустили сопли? Никто не давал команды умирать, – Гражданский снова повернулся к сидящему. – Ты кто такой?

– Не важно. Я тут сижу и жду вас.

– Зачем?

– Как это зачем? Вы убивали, отнимали жизни. Теперь пришла пора и ответ держать за содеянное. Вот ты, например, – он посмотрел на Гражданского, – делал это с удовольствием, и тебе всё равно, кто перед тобой. Ты наёмник, и радуешься, когда есть работа убивать. На гражданке ты был бы простым маньяком. У тебя ни семьи, ни детей. Даже кошки нет. Никто не будет вспоминать о тебе.

– Чего ты несёшь, какая семья? Я свободный человек и делаю то, что считаю нужным, лично для меня. Зачем мне это? Обуза, да и только. Особенно в моей работе. Я выполняю приказы!

– Оправдать себя ты сможешь только перед собой. Перед Ним, – сидящий поднял палец вверх, – у тебя не хватит аргументов.

– Так мы ещё и Его встретим? – Лысый перекрестился и посмотрел вверх. – Прости меня за всё!

– Вы? Конечно нет. С вами всё предельно понятно. У каждого свой котёл. Да по грехам вашим да воздастся вам.

В воздухе раздались два щелчка. Свет погас.

Центр командования специальных операций гудел. Суе-
ты не было, каждый выполнял свою работу. За столом перед
большим экраном сидел полковник. Перед ним – двое под-
чинённых.

– Так, кто мне объяснит, почему пятая группа подряд про-
падает без следа? Что там происходит?

– Сэр, думаю, там плохо со связью, горы перекрываю сиг-
нал, – неуверенно цедили слова сидящие напротив.

– Пятая группа подряд теряет связь, потому что горы?

– Сэр, мы не можем сказать. Всё обрывается, как только
они входят на объект.

– Странно всё это. Связи нет, сигналов нет, испаряются
просто.

– Да, сэр.

– Готовьте ещё одну группу, мне нужен результат, сам её
поведу. Свободны, – полковник встал.

Двое подскочили, вытянувшись по струнке, повернулись
к выходу и быстро ретировались.

Полковник устало смотрел в точку. Подняв бровь, по-
смотрел по сторонам, потёр похолодевшие руки.

– Вот и моё время пришло, – грустно произнёс он.

Телефон в его кармане звякнул, уведомляя о пришедшем
сообщении. Не спеша достал его из кармана. Он знал, что
там написано. Саркастически усмехнулся. Нажал на кнопку
«Прочитать». Тяжелая рука положила телефон на стол.

На затухающем экране ясно читалось: «Наконец-то!»

ГРЫМЗА

1

Летний день клонился к закату, температура зашкаливала до неприличных плюс сорока. Асфальт плавился под ногами. Дышать нечем. По тропинке между домами, еле передвигая ноги, шла женщина средних лет, сгорбленная под тяжестью жары.

Шаркающими шагами она приблизилась к подъезду. Подойдя к двери, взялась за ручку. Подняла голову, устремив взгляд на окно первого этажа.

– Чего надо? – она грубо крикнула старушке, которая смотрела на неё. – Заняться нечем?

– Тьфу на тебя, – сплюнула старушка, исчезая из окна.

– Смотрит. Беньки выкатила, старая ведьма.

Дверь хлопнула металлическим криком «дзынь!»

Постояла, пока глаза привыкли к свету лампы, подошла к почтовым ящикам. Заглянула в свой. Там ничего, только пыль и следы её пальцев. Засунула руку – проверить, вдруг зрение подводит.

– Чего ты не едешь, сволочь, снова сломался? – тыкала беспрестанно пальцем в кнопку вызова лифта.

Дверь широко раскрылась ярким холодным светом.

– Наконец-то!

Не спеша вошла. Дверь натужно закрылась, лязгая металлом. Лифт начал свой подъём, скрипя невыносимо. Она мор-

щилась от боли в ушах.

– Что за нелюди, работу свою сделать нормально не могут. Только деньги брать умеют.

Наконец-то её этаж. Дверь в конце коридора справа. Темно. Облокотилась на косяк, достала ключ, провернула замок. Дверь открылась. Она шагнула во мрак квартиры и тихо закрыла дверь.

Дом погрузился в тишину.

2

– Нет, ну ты видел?

– Что я должен был видеть?

– Ты вот совсем не замечаешь, как она себя ведёт?

– Кто «она»?

– Эта грымза.

– Отстань от человека, живёт женщина спокойно, никого не трогает.

– Значит, я ещё и виновата?

Разговор шёл в квартире первого этажа, где совсем недавно любопытная и всё знающая старушка выглядывала из окна. Эта странная женщина её раздражала. Никто не знал почему, да и она сама вряд ли смогла бы сказать причину возникновения неприязни. Но теперь знала точно, в этой грымзе её раздражает всё. От шаркающих, тяжёлых шагов до угрюмого лица.

– Тут Нинка рассказывала на днях, что живёт этажом ниже её, что она почти не ходит по квартире. Зайдёт – и всё, ша-

ги исчезают. Она и так и сяк прислушивалась. Ничего. Только на кухне чайник погудит, и снова тишина. Сидит во мраке. Ты видел свет из её окна?

– Устаёт она на работе, да и коврами, наверное, полы устелены. Нинка твоя глухая ко всем её недостаткам.

Старичок разговаривал, не отрываясь от газеты, где разгадывал кроссворд. Старая привычка не вникать в сплетни и поддерживать диалог, в котором не хотел участвовать. Знал, что скоро его старуха плюнет и пойдёт звонить соседкам. Они более приятные слушатели, чем он.

– Какие у неё ковры? Да и Нинка не глухая. Лучше бы в жизни дома поучаствовал, чем меня критиковать.

– Всё будет хорошо, если вы все отстанете от женщины.

– Кто женщина? Она? Она – гримза старая.

Он отложил газету. Посмотрел прямо в глаза. Ей стало не по себе.

Такое случается не часто – чтобы он отложил газету.

– Послушай сюда, мать. Ты меня достала причитаниями. Не лезь к бабе. Может быть, она болеет или у неё проблемы в жизни. Чего ты до неё докопалась? Ходит себе. Живёт тихо. На этаже убирает. Не кричит, наркотики не продаёт. Чего тебе от неё надо?

– Я? Я ничего не докопалась. Мне она не нравится. Ходит тут, даже здрасьте от неё не дожدهшься. А живёт-то уже как полгода тут.

– С чего ей с тобой здороваться? Она тебе родня?

– Была бы родня, я ей всё бы высказала.

– Вот поэтому дети не хотят с нами жить. Всё учишь, как надо делать.

– Никого не учу. Всё я у вас виновата.

– Короче. Отстань от неё. Ей 43. Почти как наш старший. Хочешь мыть кости – соберитесь своим бабьём и точите свои лясы. Лиши этого удовольствия меня.

Он снова поднял карандаш и уткнулся в кроссворд: «Подумать только, каких-то несколько месяцев живёт эта женщина в их подъезде, снимает у Веры квартиру, а столько шуму вокруг. Вроде и баба была приветливая, заезжая. Сейчас совсем ни с кем не разговаривает. Никому не мешает. Характер такой замкнутый у неё. Ну и что? Не хочет ни с кем говорить. А вон их как всех развезло».

3

Лето близилось к сентябрю, и воздух по вечерам становился комфортным. На скамейке возле подъезда всё чаще стали собираться старушки.

Выходили со своими подушками, усаживались и яростно обсуждали соседей. Никого не пропускали.

– Вчера Нюрка-то нового хахала привела. Шумели два часа, так и не смогла днем поспать.

– Гуляющая девка.

– Совсем пропадает.

– Замуж не возьмут. Кому такая нужна?

– Ой, сейчас всех берут. Мужики слабые стали. Вот мой

как взглянет, так сердце в пятки.

– Да, были мужики раньше. Не то, что сейчас.

Так они охали и ахали. Жаловались и ругались. Пока из-за поворота не появлялась она.

Шаркающая походка, тяжёлый, потухший угрюмый взгляд...

– Ой, смотрите, наша Грымза идёт.

– Снова шагает, как будто вагон за собой тащит.

– И не говорите.

– Сегодня почтальон наша приходила. Письмо кинула в ящик ейный.

– Это первое, что она живёт здесь?

– Первое, первое, я краешком взглянула, а там...– Чего там, не тяни.

– Штемпелей синих наставлено на всём конверте. Так и не увидела от кого.

– А почтальонша-то чо?

– Махнула на меня рукой, типа «отстань». Представляете, на меня рукой и ушла.

– Вот дела.

Все переглянулись, замолчали. Грымза медленно прошла мимо, тяжело ступая в темноту подъезда.

– Вот ведь. Никогда не здоровается. Прямо ненависть в глазах.

– Мой старый всё твердит: отстань от неё. Говорит, болеет чем-то.

– Ага, как же, болеет.

Из подъезда послышался шум. Все притихли.

– Кто-то упал.

– Там некому падать.

– Разве Грымза только упала.

– Ага, от злости своей.

– Надо глянуть.

Любопытство разбирало души на молекулы. Срочно побежали смотреть. Кто-то быстро достал ключ. Домофон пропел знакомую музыку, дверь открылась.

Оторопевшие, с открытыми ртами они усталились на сидящую на полу Грымзу, которая беззвучно рыдала, держа в одной руке разорванный в спешке конверт, в другой лист бумаги.

По лицу ручьём текли слёзы. Рот открывался в истерике. Она вдыхала воздух, чтобы крикнуть во всю мощь своих лёгких. Но не было сил, звук не получался, застревая внутри.

– Что у неё в руках? Письмо?

Грымза протянула руку. В свете тусклой лампы виден неряшливый почерк.

– Нюрка, возьми, читай, ты у нас самая глазастая.

– Читай! Читай, что там, – со всех сторон шумят. Головы склонились.

– Ой, страшно.

– Читай, – уже твёрже и настойчивей.

Нюрка взяла письмо.

– Здравствуй, мама, я в госпитале. Зато живой, – прочитал старческий голос.

Нервный выдох пролетел с первого до последнего этажа.

– Он живой, – эхом прокатился в тишине её голос.

Они все сидели на полу. Плакали вместе. Обнявшись.

Причитая:

– Ох, бабы, какие мы дуры...

ГАРАЖ

– Да что с тобой делать, старая кляча?! Совсем из меня все соки выпила, сука.

Крики из гаража по соседству привлекли моё внимание.

– Что это у тебя здесь за истерики? Кричит кто-то, ругается. – спросил я у товарища, к которому пришёл посоветоваться по своей машине. Он очень крутой специалист по диагностике. Может определить любую проблему на слух. Ему бы в филармонию с таким талантом. А ещё он никогда не отказывает в бесплатных советах. Иногда забивается на спор, что сможет определить поломку, не вскрывая машину. Всегда выигрывает. Талант.

– Это? – кивком головы в сторону шума. – Семёныч не может завести свою «Жигу».

– Так помог бы.

– Он не просит помощи, считает себя великим ремонтником.

– Хм. На тебя не похоже, такое безразличие.

Через время снова раздался монотонный звук работы

стартера. Потом снова, потом снова, и ещё раз.

– Да твою ж, ведро с болтами.

– Чего, снова не заводится, Семёныч?

– Нет, потроха ей в карбюратор.

Что-то упало на пол.

– Это банка с полки полетела вниз. – ответил товарищ на мой немой вопрос.

– Аааа! Я подумал, его кондрашкахватила.

– Ничего, сейчас закроет всё и пойдёт домой. Они с женой на рынок собираются.

– Откуда знаешь? – брови мои поднялись, сморщив лоб в недоумении.

– По пятницам они ходят на рынок.

Из гаража слышится ругань, звук закрывания ворот. Замок повернулся, и мимо нас прошёл прилично одетый мужчина лет 70.

– Я пошёл, – в пустоту пробормотал старик, – пусть эта кляча пока постоит, нет времени заниматься ею.

– Всего доброго. – весело сказал приятель.

Когда тот скрылся за поворотом, я спросил:

– Почему ты ему не помог? Проблема пустячная ведь.

– Знаю, что пустяк. Центральный провод снят. Вот и не может завести.

– Ещё страннее, сказал бы ему.

– Зачем? Это его жена делает. Каждый раз приходит и снимает: то клемму, то провод.

– Зачем? – почти крикнул я.

– Затем, что не хочет, чтобы он садился за руль. И вообще куда-нибудь выезжал.

– Странное желание.

– Ничего странного. Он почти слепой и путает педали. Один раз он смог выехать и снёс ворота соседу. Перепутал педаль тормоза с газом. Много было шуму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.